

Фан Цзин, чьи изящные брови слегка изогнулись, честно ответил на вопрос Бай Цзыцина:

— Сегодня император был занят государственными делами и еще не успел поужинать. Я приготовил суп и сделал немного еды своими руками, чтобы отнести ему.

Услышав это, Сяо Цзю тут же обернулся к Бай Цзыцину, но тот лишь равнодушно произнес:

— А.

Он выпрямился и спросил Фан Цзина:

— Какой суп? В другой день пусть Сяо Цзю тоже приготовит мне.

— Кто такой Сяо Цзю? — спросил Фан Цзин.

Бай Цзыцин уверенно указал на него, и лицо Фан Цзина наконец слегка изменилось.

— Не буду задерживать вас, господин Фан, а то суп остынет, — с легкой улыбкой сказал Бай Цзыцин.

Он взял Сяо Цзю за руку и медленно прошел мимо его людей, оставляя за собой атмосферу загадочности...

— Господин, ваш ход был просто гениален... — произнес Сяо Цзю. — Я впервые видел господина Фана в таком состоянии.

— В каком состоянии?

— Ну... он, кажется, немного разозлился.

— А разозленный он выглядит красиво?

— Красиво.

Бай Цзыцин потянулся и подвел итог:

— Что бы ни случилось, Ин Цань все равно любит его.

Прогулявшись после еды, он почувствовал усталость и решил вернуться в Чертог Ганьлу. Едва переступив порог, он заметил вдалеке знакомую фигуру.

— Евнух Цинь? — подошел Бай Цзыцин. — Ин Цань уже вернулся?

Когда Ин Цань и Бай Цзыцин вернулись из Дома Бай, было уже поздно, не говоря уже о том, что большую часть времени Бай Цзыцин провел с Сяо Цзю, изучая меню, которое «императорская кухня не смогла бы приготовить».

Во время ужина Бай Цзыцин заметил, как за окном постепенно сгущались сумерки, и Сяо Цзю специально зажег лампу. Когда они вернулись, огни уже горели во всех дворцовых покоях.

Ночью весь дворец выглядел великолепно, а люди, скрывавшиеся за резными перилами, были непосредственными свидетелями этого процветания.

Евнух Цинь, слегка сторбившись, стоял спиной к теплоте свету у входа в покои и поклонился

Бай Цзыцину, отвечая:

— В последние дни дел и внутри, и за пределами дворца было много. Император сейчас в кабинете.

— Понятно, — улыбнулся Бай Цзыцин. — Я только что гулял в Императорском саду и случайно встретил младшего брата Фан Цзина, который направлялся в кабинет. Думаю, император еще не успел поесть, а он принес с собой все необходимое и даже приготовил суп своими руками. Запах супа был действительно уникальным, видно, что он вложил в него много стараний. Как жаль, если император пропустит такое.

Его вздох был больше похож на насмешку, чем на ревность. Евнух Цинь задумался: как же ему передать это императору? Во всем дворце все знали, что за Бай Цзыцином стоит Ин Цань, и только он мог так радостно улыбаться.

Бай Цзыцин действительно не обращал на это никакого внимания.

Евнух Цинь тихо присоединился к его смеху:

— Император действительно часто откладывает ужин из-за государственных дел.

Затем он немного отступил в сторону, и два маленьких евнуха, держа в руках несколько листов бумаги, исписанных мелким почерком, подошли и поднесли их Бай Цзыцину. Тот взял их в руки — это были статьи шести человек, сдававших столичный экзамен, аккуратно переплетенные в книгу.

Он с недоумением посмотрел на евнуха Циня:

— Это...

— Император не сказал этого вслух, но приказал забрать это из Министерства церемоний. Господин, вы не представляете, как сложно было это найти.

Бай Цзыцин поднял бровь:

— Почему?

— Не говоря уже о господине Цзи из Министерства церемоний, только на поиск работ шести кандидатов среди почти тысячи участников со всей страны у нас ушел целый день. Император относится к вам по-особенному, и мы получили приказ доставить их прямо в Чертог Ганьлу, чтобы не задержать и не расстроить вас, но все равно получилось так поздно.

Бай Цзыцин слушал и думал, что, конечно, это было трудоемко, но он ведь не требовал, чтобы Ин Цань нашел это для него сегодня. Более того, тот, кто бегал туда-сюда весь день, был не Ин Цань, а просто отдал приказ. Что это могло доказать? Тогда он зажал пачку бумаг под мышкой, подошел к двум маленьким евнухам и похлопал их по плечу:

— Вы хорошо поработали!

Евнух Цинь растерялся:

— А что насчет императора...

— У него еще есть дела?

— Э... нет.

Евнух Цинь только сейчас окончательно убедился, что если Бай Цзыцин не был безнадежно глуп, то он совершенно не хотел быть фаворитом. Среди всех людей в заднем дворце даже госпожа Синьи не осмелилась бы получить такое обращение от Ин Цаня.

Ин Цань, получивший трон от покойного императора на смертном одре, был самым выдающимся императором за многие годы правления династии Ин. В отличие от покойного императора, который в последние годы был снисходителен и сострадателен к старым министрам, Ин Цань мог строго наказывать за коррупцию в правительстве, но также продолжал политику покойного императора, часто гуляя в саду с министрами после заседаний. Он уделял большую часть своего внимания государственным делам, и до того, как Бай Цзыцин вошел в дворец, такого никогда не случалось.

Евнух Цинь подумал, что в таком случае остается только ждать:

— Тогда я пойду.

Бай Цзыцин улыбнулся и кивнул:

— Спасибо, евнух Цинь.

Получив бумаги, он был в отличном настроении. В Чертоге Ганьлу не было специального стола для письма, поэтому он взял Сяо Цзю и отправился в боковую комнату, засучив рукава, чтобы приготовить чернила и посмотреть, что можно выписать.

Последние годы в государстве Ин уделяли большое внимание государственным экзаменам. Люди жили в мире и достатке, и у всех была возможность отправить своих детей в школу. Во времена покойного императора звание первого места на экзаменах означало блестящее будущее. Бай Цзыцин помнил, как в детстве видел нового первого лауреата по фамилии Чжао, когда главная улица была переполнена. Толпа сгущалась, и он сидел с матерью, принцессой Чанпин, в паланкине, покачиваясь от толчков. Тогда принцесса Чанпин сказала ему:

Облака оглядываются на новый золотой список,

а нефритовые ворота возвышаются до моря.

Блестящее будущее, вершина жизни — все это было более чем оправдано.

Бай Цзыцин думал, что государственные экзамены — это действительно прибыльное дело, и неудивительно, что кто-то пытался манипулировать ими. Он открыл работы Чжан Сюня и других, начав с тецзин и цэвэнь, и начал делать пометки на новом листе бумаги. Он терпеливо перелистывал страницу за страницей, и когда дошел до работы Чжан Сюня, его глаза загорелись.

Система экзаменов, унаследованная от предыдущего императора, делилась на три категории: первая — тецзин; вторая — цэвэнь; третья — поэзия.

Тецзин заключался в том, что бумагой закрывали левую и правую стороны иероглифов, оставляя одну строку посередине, а экзаменаторы выбирали отрывки из Четверокнижия и Пятикнижия, чтобы кандидаты заполнили пропущенные части. Цэвэнь представлял собой сочинение на тему современных проблем, а поэзия также была сочинением. В эпоху покойного императора, чтобы внести разнообразие, Министерство церемоний решило заменить поэзию

на эссе, статьи, рассуждения и похвалы в качестве жанров. Но Бай Цыцин, просматривая работы, все же считал, что как по идее, так и по литературному мастерству, работа Чжан Сюня была лучшей.

Особенно его цэвэнь, который действительно отражал широкий взгляд на современные проблемы.

Бай Цыцин быстро пробежался по тексту, затем внимательно прочитал его, держа в руке маленькую кисть и быстро записывая. Он практически без остановки написал более десяти предложений по реформированию системы государственных экзаменов, а также выбрал много полезного из работы Чжан Сюня, дополнил и улучшил их, аккуратно подведя итог на трех страницах, прежде чем наконец положить кисть и вздохнуть с облегчением. Он поднял лист бумаги, подул на слегка влажные чернила, а Сяо Цзю, стоявший рядом, с любопытством заглянул на страницу.

— Господин, что вы написали?

— Ничего, просто несколько предложений.

— Предложений?

— Да, для Ин Цаня, — добавил Бай Цыцин. — Возможно, они ему пригодятся.

— Значит, когда евнух Цинь сказал, что вы просили императора найти эти бумаги, а он приложил столько усилий, чтобы их найти... в итоге вы просто хотели написать предложения?

Бай Цыцин засмеялся:

— Не совсем.

Он все еще сомневался в Чжан Сюне, но раз Цуй Даожун не нашел никакой связи между ним и чиновниками или Ин Цанем, он решил пока поверить. Изучать внутренний мир человека через его писания было самым удобным способом.

Бай Цыцин вспомнил озадаченное лицо евнуха Циня и наконец вспомнил одного человека — министра церемоний Цзи Цзэ.

<http://bllate.org/book/16479/1496838>